

Александр Зиновьев. Солома для утопающих¹¹

В результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы в России была разгромлена советская социальная организация. При этом наиболее жестоко обошлись с советской идеологической сферой. На место обещанного реформаторами освобождения от тирании марксизма-ленинизма в Россию устремились потоки западной идеологии, началась поощряемая властями реанимация православия, стали расцветать всякого рода секты и шарлатанские учения, была отброшена и дезорганизована немарксистская часть советской идеологии, включая философию, социальные учения, этику, эстетику. Наступило состояние, в отношении к которому слово «беспредел» уместно с неменьшими основаниями, чем в отношении к прочим аспектам социальной организации страны.

Утопающим в трясине идеологического беспредела россиянам с высот политической и идеологической «элиты» время от времени бросаются соломинки и даже порою целые охапки соломы, ухватившись за которые, россияне вроде бы должны обрести идейную ориентацию в постсоветском идейном пространстве. Это делается по трем основным линиям, по каким вообще формируется постсоветская социальная организация России, — по линиям советизма, западнизма и национально-русского фундаментализма.

Хотя советская идеология разрушена и всячески очерняется, от нее осталось достаточно значительное наследие. Оно сохраняется не только потому, что его невозможно истребить в течение короткого времени, но и потому, что оно преднамеренно сохраняется и даже подкармливается из самых различных соображений. Нет надобности обосновывать это утверждение. Читатель сам может видеть это в телевидении, кино, театрах, газетах, выставках, юбилеях и прочих общественных мероприятиях. Хозяева новой России всячески стремятся создать видимость, будто продолжается некий «нормальный» ход жизни, будто отброшены лишь некие ужасы коммунизма, а все ценное живет как ни в чем не бывало.

¹¹ Литературная газета, 20—26.02.02, № 7.

Среди спасительных идеологических соломинок по линии советизма попадаются, естественно, идеи реставрации советской социальной организации. Имеют ли эти идеи какие-то перспективы? Думаю — никаких.

За последние годы в России и в мире произошли такие перемены, что в России сейчас просто некому сражаться за идеалы коммунизма. Эти идеалы дискредитированы настолько, что даже крупнейшая коммунистическая партия (КПРФ) в значительной мере отреклась от них. И Запад не остановится перед применением новейшего оружия против России, если возникнет реальная угроза реставрации коммунизма. А в самой России нет людей, способных мобилизовать россиян на сопротивление западной агрессии, подобное тому, какое имело место в годы войны против гитлеровской Германии. Да и без вмешательства Запада нынешняя политическая власть России, какой бы она ни была беспомощной в прочих отношениях, достаточно сильна и решительна, чтобы самым жестоким образом подавить всякие попытки реставрации коммунизма. Подавить под видом благородной борьбы против терроризма и экстремизма. Давая клятву Конгрессу США не допустить возрождения «чудовища коммунизма», бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Ельцин имел для этого веские основания.

По линии западнизации в российскую менталитетную сферу и в головы россиян неудержимым потоком вливаются помой западной идеологии. Но и по этой линии в идеологическую российскую трясиину сыплется спасительная солома. Она сыплется как из Кремля, так и из гражданского общества, т. е. из политических партий, общественных движений, культурных организаций. В общем виде она выглядит примерно так. В одном популярном мультфильме есть персонаж — кот Леопольд, который обращается к мышам, делающим ему всяческие пакости, с призывом: «Ребята, давайте жить дружно!». Этого кота можно считать основателем этой линии постсоветской идеологии. Не Маркса и Ленина, — с этими исчадиями коммунизма покончено, — а именно демократического кота Леопольда. Его первым последователем стал первый президент России Ельцин, который после учиненного под его водительством погрома советской России обратился к россиянам с призывом жить в единстве и дружбе, как тому и учил кот Леопольд. У Ельцина, естественно, нашлись продолжатели его дела. Они обогатили это учение новыми идеями такого же высочайшего интеллектуального уровня: ребята, давайте жить в согласии, по справедливости и по закону!

При этом не предпринимаются никакие попытки осуществить хотя бы мало-мальски объективный анализ той социальной организации, которая создается в России вместо разрушенной советской. Возможно ли вообще в рамках новой постсоветской социальной организации для миллионов людей жить в согласии, по справедливости, по закону? Могут ли жить в согласии миллиардеры, нажившие богатства за счет ограбления миллионов сограждан, и ограбленные и обнищавшие сограждане, владельцы роскошных особняков и обитатели трущоб, безработные, беспризорники, коррумпированные чиновники, преуспевающие политики, банды преступников, жиреющие попы, атеисты, проститутки, охранники, торгаши, выброшенные из армии офицеры и из науки ученые и т. д.? Можно ли уговорами заставить миллионы преступников, порождаемых самими условиями новой социальной организации, жить по закону?

Социальная сущность всей такой спасательной идеологической соломы тривиальна: заставить россиян примириться с теми последствиями, к которым привел антикоммунистический переворот, уйти от постановки и тем более от решения действительно жизненно важных социальных проблем, уговорить жертвы реформ быть послушными, не конфликтовать друг с другом и с властями, сделать вид, будто все случившееся было неизбежно и пошло на благо страны и народа, уйти от ответственности за исторические глупости и преступления, имитировать начало эпохи подъема и движения к процветанию.

Просматривая программы партий и выступления партийных лидеров, невольно задаешься вопросом: в каком веке мы живем — где-то в средние века еще до появления великих мыс-

лителей XVIII и XIX веков или в XXI веке, имея за плечами грандиозные научные открытия и не менее грандиозный опыт социальных преобразований XX столетия? Куда все это испарилось? Неужели все это впустую? Неужели сочинители спасительной идеологической соломы никогда и ничему не учились? Неужели они уверены в том, что с интеллектом кота Леопольда делают вклад в эволюционное творчество человечества?!

Пусть представители политической элиты, бросающие тонушим россиянам «соломинки» в виде слов «согласие», «закон», «справедливость» и т. п., ответят себе на вопросы: возможно согласие между грабителями и ограбленными или нет, законно приобретены баснословные богатства незначительной частью россиян или нет, справедливо ли сказочное благополучие меньшинства россиян и нищета большинства или нет, и т. п. Если «да», то все такие «соломинки» суть сплошное лицемерие. И масса россиян не до такой же степени оболванена идеологически, чтобы принимать их за чистую монету и влечить жалкое существование, утешаясь этими пустышками. Если «нет» (а именно так отвечает себе большинство россиян), то у самих производителей спасательной «соломы» вряд ли надолго хватит терпения строить здание постсоветизма на такой зыбкой идейной основе.

Один из лидеров будущей партии власти высказал идею о необходимости единения россиян «перед лицом мирового терроризма», чем и будет заниматься создаваемая партия. Невольно напрашивается сравнение с разрушенной КПСС недавнего прошлого, аналогом которой создаваемая партия власти постсоветской России в той или иной мере будет в силу объективных социальных законов, независимо от того, знают об этих законах создатели партии или нет, и независимо от того, хотя бы они этого или нет. КПСС призвала советских людей к единению в борьбе за построение коммунистического социального строя — «светлого будущего всего человечества» (и реальные шансы на это были), причем — в борьбе против капиталистического (империалистического) западного мира, которую (борьбу) советские люди на самом деле вели на всем протяжении советской истории. А тут — «перед лицом мирового терроризма»! Не слишком ли это мелко и поверхностно для партии, рассчитывающей на историческую роль? Россия неизмеримо больше пострадала и страдает от политических кретинов и предателей, от грабителей приватизаторов, от организованной преступности, от наркомании, от нищеты, от вымирания населения, от деградации интеллектуального потенциала и т. д.

Идеология «Перед лицом мирового терроризма» есть идеология американская, а не российская, причем — временная. Американцев самих она уже не очень-то вдохновляет. Уж если объединяться и шагать дружными рядами, то уж лучше перед лицом пожаров, наводнений, массовых грабежей, вымирания населения, сокращения продолжительности жизни, беспризорности и прочих явлений такого рода, ставших буднями российской постсоветской жизни. Только перед таким лицом дружными рядами можно шагать скорее к коммунизму, чем к капитализму.

А сколько спасательной соломенной трухи сыплется в идеологическую трясиину постсоветской России по третьей линии — по линии реанимации российского фундаментализма, включая в первую очередь сюда православие! Сила воздействия ее поистине поразительна. Новые правители страны, значительная часть которых в свое время входила в атеистическую элиту КПСС и получила атеистическое образование, быстренько обучились кое-как креститься и, прикинувшись ревностными христианами, сделали ставку на Православную Церковь, претендующую на роль духовного вождя в деле возрождения России. Такого раболепства перед всем, что так или иначе связано с православием, монархией, дворянством и т. п., какое можно наблюдать сейчас, не было даже в дореволюционные годы. Если вдруг будет принято решение превратить президента в царя или императора и ввести дворянские титулы чиновникам и богачам, наверняка поднимется ликование, какого не было даже в мае 1945 года. Пигмеи контрреволюции готовы стать князьями, графами и баронами, превратив прочий люд в холопов.

Включаю телевизор, листаю газеты и журналы, слушаю ораторов и беседую со знакомыми людьми — и переживаю ужасающее состояние, будто я живу не в двадцать первом веке, являюся преемником и наследником величайших в истории человечества научных открытий и технических изобретений двадцатого века, а в дремучем средневековье. Теперь я не удивлюсь, если вдруг увижу разъяренную толпу, бегущую за одиноким человеком, которого эта толпа заподозрила в атеизме. Толпу не невежественных и тупых людей, а людей образованных, с научными степенями и званиями, писателей, политиков, общественных деятелей, генералов, профессоров и прочих представителей постсоветской российской элиты, включая бывших высокопоставленных функционеров КПСС. Двадцать с лишним лет прожил на некоммунистическом и даже антикоммунистическом Западе, но ничего подобного не видал нигде, даже в США.

Одно из самых страшных (если не самое страшное) последствий антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы — идеологическая деградация России. Из самой просвещенной страны с самым высоким уровнем гражданской (нерелигиозной) идеологии Россия в поразительно малый (с исторической точки зрения) срок превратилась в страну идеологического беспредела и религиозного умопомрачения, сопоставимого с таковым исламских стран. Это беспрецедентное историческое падение России стремятся изобразить как освобождение от гнета коммунистической идеологии, как проявление свободного волеизлияния народа, как духовное прозрение и возрождение народа и т. п. Это — не просто заблуждение, это — составная часть умышленной тотальной фальсификации истории и умышленного оболванивания российского населения, которое было заранее спланировано стратегами «холодной» войны уже в самом начале ее как средство именно духовного разложения советского народа, занижения его образовательного, морального и идейного уровня.

Через средства массовой информации россиянам усиленно навязывается утверждение, будто православная религия и Церковь (православие) выражают национальные интересы русского народа и будто бы поэтому началось их бурное возрождение. В реальности произошло нечто иное. В реальности под предлогом отмены марксизма-ленинизма как государственной идеологии была разрушена вообще вся сфера светской (нерелигиозной, гражданской) идеологии, которая не сводилась к марксизму-ленинизму. Последний составлял лишь часть этой сферы, создававшейся усилиями советских ученых, писателей, художников, деятелей кино и театра и т. д. в течение многих десятилетий. Православие при поддержке новой (постсоветской) власти просто захватило освободившееся место подобно тому, как была захвачена некоторой частью населения страны вся экономическая сфера, созданная в советские годы и дезорганизованная в результате переворота.

То, что происходит с православием в России, не есть всего лишь свобода религии, какая по идее должна иметь место в демократической стране, на что претендуют реформаторы России. Свобода религии при этом не должна быть засильем религии. А в России настойчиво проповедуется требование считать русскими только таких граждан, которые исповедуют православную религию. Церковь должна быть отделена от государства. Это означает, в частности, что церковь не должна вторгаться в систему образования, с чем фактически православие не считается. Не соблюдается и условие равноправия религий. Православие стремится стать привилегированной религией, пользующейся особым покровительством власти, что ему фактически удастся. Свобода религии предполагает также свободу от религии, т. е. свободу для нерелигиозной идеологии, включая атеизм, пропаганду атеизма, воспитание атеистических убеждений. В нынешней России фактически для этого нет никаких условий. Хотя формального (юридического) запрета на это нет, на деле созданы такие условия, что активный атеизм фактически не допускается и систематически подавляется и изгоняется из памяти Россиян.

Нерелигиозная (светская, гражданская) идеология не сводится к атеизму и не обязательно является антирелигиозной. Это может быть идеология, опирающаяся на результаты достижений науки. С такой претензией в свое время возник марксизм и ленинизм. И было бы фактически неверно (просто нечестно) отвергать великую роль, какую он сыграл в истории нашей страны и всего человечества. Со временем он утратил былое влияние, став неадекватным той ситуации, которая сложилась на планете во второй половине двадцатого столетия. Его кризис стал одним из факторов кризиса и краха советского коммунизма. Но это не означает, что светская идеология вообще потерпела крах. Силы западного мира, одержавшие победу в «холодной» войне, руководствовались не религиозной, а светской идеологией (хотя и не выраженной так явно, как марксизм). И сейчас они осуществляют глобализацию человечества с идеями не религиозной, а светской идеологии. Намерение придать мировой агрессии США и стран НАТО вид войны христианства против мусульманства успеха не имело и не будет иметь. В современных условиях в западном мире никакая религия не может приобрести ту власть над сознанием людей, какую она имела когда-то. Даже Ватикан жалуется на недооценку церкви, хотя, по видимости, католичество никогда не было таким активным, как теперь.

Сами условия существования и социальные закономерности западнизма вынуждают западный мир быть атеистическим по сути, какую бы религиозную внешность ему не навязывали его правители. Это целиком и полностью относится и к России, раз она пошла по пути западнизации. В XXI веке стать на долгое время властителем душ россиян и преодолеть идеологический беспредел на этом пути православие не по силам. Выдержать конкуренцию с современными СМИ, ставшими «ватиканами» идеологии западнизма, оно бессильно. Сам образ жизни россиян в новых условиях исключает возвращение их в идейное состояние феодальной России. Церковь может вернуть себе былую власть над сознанием россиян только при условии превращения их в безграмотных, тупых, больных и нищих холопов. Россия действительно имеет шансы стать такой. Но у нее и на этом пути есть мощные конкуренты: политическая власть, руководствующаяся какой-то светской идеологией, и денежный тоталитаризм, руководствующийся циничной светской идеологией западнизма.

Одновременно с реанимацией православия в среде российской интеллигенции (точнее, той ее части, которую я называю идеологенцией) начались поиски некой «национальной идеи», которая по силе воздействия на массы населения была бы сравнима с марксизмом-ленинизмом недавнего прошлого, но чтобы при этом была его отрицанием. Это должна быть национально русская идеология. Ее должно принять большинство этнически русских, вдохновиться ею, забыть о различиях положений и интересов, объединиться и зашагать дружными рядами по пути возрождения, подъема и процветания России. С интеллектуальной точки зрения, идея, явно не уступающая идеологии кота Леопольда (жаль, что кота звали Леопольдом, а не Васькой, как все упростилось бы!).

Национальная идея отличается от упомянутой выше идеи единства и согласия тем, что исходит не от власти и политической партии, намеревающейся служить высшей власти («Кремлю») и участвовать во власти, а из среды россиян, озабоченных тяжелым состоянием русского народа и угрозой его вырождения. Она имеет целью объединить русский народ и возбудить его на борьбу за его интересы именно как народа. Цели вроде благородные. Но, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. В конкретном исполнении замысла получается нечто такое, что вполне укладывается в существующее состояние идеологического беспредела. В разговорах и публикациях на эту тему русский народ и его история идеализируются. В их описаниях в возвышенно хвалебных тонах предстают и православие, и монархия, и великодержавность, и черты социальной организации, против которых шла вековая борьба лучших представителей народа. Очерняется советский период. Игнорируются реальные качества русского народа, такие, например, как низкий уровень самоорганизации и национальной солидар-

ности, покорность перед властями, низкопоклонство перед Западом и другие, практически исключают консолидацию русского народа, независимую от центральной власти и представителей других народов. Русский народ не сумел в более или менее значительной степени воспользоваться теми возможностями, какие ему предоставлялись в советские годы. И в годы краха советского строя он не оказал практически никакого сопротивления тем, кто громил этот строй. Русские националисты сваливают вину за то состояние, в котором оказался русский народ, на представителей других народов, в особенности — на евреев. Но ведь большинство тех, кто сыграл самую активную роль в разгроме Советского Союза и советского социального строя, являются этнически русскими (Горбачев, Ельцин и их «команды»). Суть дела не в этнических, а в социальных факторах, которые сторонники «национальной идеи» игнорируют или не понимают, когда берутся судить о них.

Заметное место в спасительной «соломе» занимают идеи евразийства. Я не имею возможности рассмотреть их в этой статье. Замечу лишь, что они имеют много общего с идеями «национальной идеи». Их приверженцы точно так же игнорируют или ложно истолковывают социальные процессы, происходящие в человечестве, и фактическое состояние России и ее положение в процессе глобализации. Шансы для России сплотить и возглавить азиатские страны на борьбу с США и странами НАТО равны нулю. Таковы же шансы на то, что идеология роли России как лидера и объединителя народов Европы и Азии в этой борьбе будет иметь значительный успех в России и влиять на политическую стратегию российских правителей. Россия уже вступила на путь западнизации в процесс глобализации в его западнистском (американо-европейском) варианте. И если какие-то силы и события свернут ее с этого пути, они ни в коем случае не будут порождены евразийством.

Наконец, последняя соломинка, за которую предлагается ухватиться россиянам, тонущим в трясине идеологического беспредела, — это патриотизм. При этом предполагается ясным и общеизвестным, что такое патриотизм. Последний считается бесспорной добродетелью. Приводятся примеры выдающихся патриотов, а также времен, когда патриотизм сыграл огромную (даже решающую) роль в исторических событиях. Россияне призываются возлюбить Россию и действовать на благо ее.

На самом деле простота и очевидность проблемы патриотизма кажущаяся. Тут есть свои сложности, связанные, во-первых с пониманием самого явления патриотизма как явления социального и, во-вторых, с пониманием конкретной ситуации в России в этом отношении. Поступок считается патриотическим, если человек совершает его в интересах своей страны (родины) и делает это из чувства любви к родине и верности ей. Не всякий поступок в интересах страны является патриотическим. Он может совершаться из каких-то шкурнических соображений. Отдельный человек оценивается как патриот, если его деятельность определяется множеством патриотических поступков в течение более или менее длительного времени, возможно — всей жизни. Характеристика массы людей и целого народа (и даже объединения нескольких народов) с точки зрения патриотизма не сводится к характеристике отдельных людей, входящих в них, подобно тому как характеристика леса не сводится к характеристике входящих в него отдельных деревьев. Это — характеристика массовая. Требуются особые правила исследования (включая правила измерения и вычисления), чтобы ее установить. Народ может содержать патриотов и непатриотов. Входящие в него люди могут совершать как патриотические, так и непатриотические поступки. Тут требуется выяснить степень патриотизма, которая может быть высокой или низкой, может меняться со временем и в зависимости от ситуации. Чувство патриотизма не является прирожденным. Оно воспитывается. Оно не обязательно бессознательно и спонтанно. Оно может быть результатом размышлений. Может быть даже вынужденным, например — когда у человека нет выбора. Чувство патриотизма может основываться на факторах позитивных (гордость за величие страны, за ее успехи, благополучие, при-

рода, условия жизни и т. п.) и негативных (несчастья, нападения врагов, угроза благополучию народа и т. п.).

Часто ссылаются на поведение советских людей в годы войны с гитлеровской Германией как на образец патриотизма. При этом не знают или преднамеренно опускают то, что на одного Матросова находились сотни шкурников и трусов, что непатриотические поступки не поощрялись и наказывались, а патриотические поощрялись и вознаграждались, что миллионы людей были поставлены в такое положение, что были вынуждены совершать патриотические поступки, что степень патриотизма народа менялась (стала возрастать), что массовый патриотизм был организован колоссальными усилиями системы власти и идеологического аппарата и т. д. В результате действия совокупности факторов (о некоторых из них я упомянул) в массе народов Советского Союза было выработано идеологическое состояние, компонентом которого стала высокая степень патриотизма. Она проявлялась в миллиардах поступков людей, и это стало одним из факторов победы. Разговоры о патриотизме и призывы к нему занимали в этом грандиозном свершении народа ничтожно малую роль.

В той ситуации, которая сейчас сложилась в России, степень патриотизма российского населения чрезвычайно низка, низка как никогда, близка нулю. И если бы она была высокой, в России просто нет условий для того, чтобы она заметным образом сработала как важный фактор социальной эволюции страны. Более того, я в России не вижу сил, способных поднять степень патриотизма и заинтересованных в этом. Тут возможна лишь имитация патриотизма, подделка, спектакли на эту тему и словоблудие, не обязывающее к патриотическому поведению массы россиян. Патриотические умонастроения просто не могут воплотиться в действия, объединяющиеся в единый поток поведения народа в интересах страны, ибо такого единства народа и его интересов просто нет в самом постсоветском состоянии России. Где тот враг, в борьбе с которым народ выступит как единое целое? Какова та великая цель, ради достижения которой народ в массе готов пойти на жертвы? Нет такого внешнего врага, ибо основные враги для большинства россиян — их собственные соотечественники, выгадавшие от контрреволюционного переворота. Нет такой цели, ибо эгоистические цели нынешних хозяев России, составляющих меньшинство населения, не могут стать историческими целями страны как единого целого. В нынешней России просто нет таких «амбразур», на которые могли бы броситься новые «матросовы», нет таких «матросовых» и нет тех, кто способен воздать им должное. Патриотизм как массовое явление просто лишен смысла.

В России предпринимаются отдельные разрозненные попытки (в большинстве — кустарные) выработать идеологию, адекватную современным условиям и требованиям, идеологию светскую (нерелигиозную) и ненационалистическую, опирающуюся на научные исследования современной реальности. Но они имеют ничтожно мало шансов пробиться к известности и признанию, если даже они достигнут высочайшего интеллектуального уровня. Почему? Дело в том, что огромное число людей, оккупирующих идеосферу и живущих за ее счет, сделают все от них зависящее, чтобы помешать этому. Нужны усилия многих людей и длительное время, чтобы преодолеть это препятствие. А чтобы это учение приобрело статус массовой признанной идеологии, нужны силы, способные придать ему социальный авторитет (например — высшая власть). Но и этого мало. Идеи сами собой в головы людей не заползают, какими бы они хорошими ни были. Для этого нужно множество людей, которые должны профессионально заниматься этим делом. Они должны быть организованы в целое, — должен сложиться идеологический механизм. Такой механизм имеет Церковь, такой механизм существовал в советские годы в распоряжении «Кремля». Если даже и это препятствие будет преодолено, предстоит длительная борьба за «души» россиян. При этом придется иметь дело с силами, противодействующими распространению этого учения и принятию его массами, в их числе — с невосприимчивостью самих масс, с религиозными организациями, заинтересованными в

сохранении масс в состоянии мракобесия, со СМИ, с огромной силой навязывающими россиянам западную идеологию.

В современной России никаких условий и мало-мальски серьезных сил для преодоления этих препятствий просто нет. Высшая власть поддерживает Православную Церковь почти как государственную, а прочие политические силы (включая коммунистов) заигрывают с нею. Шансы на создание признанного нерелигиозного учения, превосходящего все прочие идеологические учения, и на создание конкурентоспособного механизма его распространения и вбивания в головы масс россиян близки к нулю.

Что же остается? Существующий идеологический беспредел, который со временем может быть истолкован как западный плюрализм на российской почве. Усиление православия. Тоска по всесильной «национальной идее». Конъюнктурные лозунги вроде призыва сплотиться перед лицом мирового терроризма. Пустословие партийных программ, обещающих бороться за все хорошее против всего плохого. Эпоха, когда умами и чувствами россиян владели идеи глобального и эпохального масштаба, безвозвратно ушла в прошлое. Эпоха, осужденная и оплеванная неблагодарными потомками, но непонятая в ее трагическом величии.